

УДК 316.334.3:316.647.5

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КАК КРИТЕРИЙ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ДВИЖЕНИЙ В УКРАИНЕ

Литовченко Артём Дмитриевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры политической социологии Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина

В статье рассматривается возможность типологизации леворадикальных организаций и движений, действующих на территории Украины, по актуальным политическим практикам. По результатам эмпирического анализа содержания интернет-страниц наиболее заметных организаций выделены основные политические практики, рассмотрены их элементы и характеристики, обусловленные спецификой леворадикального политического спектра. Выделены три условных кластера, объединяющие леворадикальные организации и движения по критерию предпочитаемых политических практик. Предлагаются рекомендации по профилактике политического радикализма и экстремизма.

Ключевые слова: радикализм, экстремизм, леворадикальные организации и движения, политические практики.

У статті розглядається можливість типологізації ліворадикальних організацій і рухів, що діють на території України, за актуальними політичними практиками. За результатами емпіричного аналізу змісту інтернет-сторінок найбільш помітних організацій виділено їхні основні політичні практики; розглянуто елементи та характеристики практик, обумовлені специфікою ліворадикального політичного спектру. Виділено три штучні кластери, що об'єднують ліворадикальні організації та рухи за політичними практиками, яким вони надають перевагу. Пропонуються рекомендації щодо профілактики політичного радикалізму та екстремізму.

Ключові слова: радикалізм, екстремізм, ліворадикальні організації та рухи, політичні практики.

Article is devoted to the possibility of "political-practices" typology of left-wing radical of organizations and movements, which are operating on the territory of Ukraine. Based on the results of empirical analysis of the content of most prominent organizations' web pages the main political practices are identified. It is reviewed their elements and characteristics due to the specifics of the left-radical political spectrum in the article. The three conventional cluster, combining radical leftist organizations and movements by the preferred political practices, is allocated. It proposes recommendations for the prevention of political radicalism and extremism.

Keywords: radicalism, extremism, left-radical organizations and movements, political practices.

Проблема распространения радикально-экстремистских политических настроений и взглядов актуальна для Украины не менее, чем для других государств Европы. Необязательно дожидаться появления украинских брейвиков¹, чтобы констатировать эту актуальность. Очевидно, что, помимо изучения идеологической составляющей политического радикализма и экстремизма (здесь можно отметить работы У.Бакеса, Д.Бенгама, Р.Вейнтрауба, А.Хиршмана, Р.Хардина, Т.Гарра [3], Л.Баевой [1], А.Верховского [2], И.Ждановой [4], А.Козлова [5], В.Прибыловского, А.Пиджакова [9], И.Сенина [10] и др.), необходимо исследовать конкретные практики радикально-экстремистских организаций². Следует отметить, что, как правило, в научной литературе особое внимание уделяется анализу практик праворадикальных и правоэкстремистских организаций. Это вполне объяснимо, поскольку история двадцатого века предоставляет куда более масштабные примеры экстремистской деятельности ультра-правых радикалов (от фундаменталистов до националистов и национал-фашистов). Однако не нужно забывать, что «хрестоматийная» экстремистская организация «Ирландская республиканская армия» изначально включала и социалистическое крыло; что не менее «хрестоматийная» баскская ЕТА вплоть до смерти генерала Франко исходила из леворадикальных позиций и т.д. Затяжной мировой экономической и политической кризис, который некоторые считают последним кризисом капитализма, также способствует радикализации левых движений и организаций. Наконец, для конца двадцатого и начала двадцать первого века характерно копирование леворадикальных идеологем правыми экстремистскими организациями, вплоть до полной мимикрии. Эти

© Литовченко А.Д., 2012

¹ А.Брейвик – норвежский ультра-правый экстремист радикально-националистических взглядов, осуществивший 22 июля 2011 года идеологически мотивированный двойной теракт в Норвегии, в результате которого погибли 77 человек.

² Исследование индивидуальных практик – задача скорее психологическая; впрочем, практики организаций могут включать (и включают) в себя и индивидуальные практики.

обстоятельства делают актуальным анализ леворадикальных организаций и движений как самостоятельной (не гомологичной праворадикальному сообществу) потенциально деструктивной социально-политической силы и как источника «маскировочной окраски», которая используется праворадикальными организациями [7].

Широкое заимствование левой и леворадикальной идеологии и риторики представителями различных идеологических течений – один из тех факторов, который вынуждает нас особое внимание обращать не на программы и идеологический статус организаций и движений (чего было бы вполне достаточно, например, для политологического исследования), а на реализуемые ими практики. Анализ политических практик – это один из наиболее информативных элементов социологического исследования политики, поскольку в формах своей деятельности (в практиках) организации и группы, обладающие мнимой автономией в границах политики как социального института, проявляют себя во взаимодействии с обществом в целом, с его неполитическими составляющими. Соответственно, *объектом* нашего исследования стали леворадикальные организации и движения, действующие на территории Украины, *предметом* – реализуемые этими организациями практики. *Целью* данной статьи является классификация наиболее активных леворадикальных организаций и движений Украины по предпочитаемым практикам. Отметим также особую задачу, обусловленную «консультирующей» функцией социологии: выработку рекомендаций для органов власти по работе с леворадикальными организациями и движениями.

Перечень исследуемых организаций был составлен по критерию заявляемых радикальных целей и методов их достижения: во-первых, учитывалась декларация левых (социалистических, коммунистических, анархистских) идейных воззрений, идеологии; во-вторых, фиксировались претензии на коренное изменение социально-политического устройства, ориентации на революцию/бунт, декларация/использование нелегальных методов политического воздействия. Перечень составлен по результатам анализа программных документов и манифестов. Он не претендует на исчерпывающую полноту, а содержит лишь наиболее заметные леворадикальные организации и движения (имеющие высокую посещаемость собственных интернет-страниц; разместившие кнопки собственных интернет-страниц на интернет-страницах других популярных леворадикальных организаций; упоминающиеся в новостных сюжетах ведущих украинских новостных поисковых систем). Исследование практик проводилось посредством анализа официальных интернет-страниц организаций, в частности, так называемых «событийных дневников». Это раздельдайджесты, наполненные сообщениями-отчётами об осуществлённых акциях. Поскольку анализу подвергались данные о деятельности организаций и движений предварительно определённых как радикальные и экстремистские, то фиксировались все практики без исключения. Даже вполне легальная и умеренная практика (например, марш «За здоровую нацию» и т.д.) в исполнении радикальной организации может рассматриваться как радикальная или экстремистская.

Анализ практик экстремистских (близких к экстремистским, потенциально экстремистских) организаций леворадикального толка изначально связан с целым рядом трудностей. Эти трудности обусловлены, в первую очередь, спецификой данных организаций по сравнению с анти-системными немотивированными экстремистами (например, такими, как условно правый REACTOR) и ультраправыми радикальными экстремистскими и террористическими организациями. Первая отличительная черта – существенно большее внимание к идеологии. Схема создания и функционирования радикальных немотивированных организаций основана на сплошном, не детализированном признании неприемлемой всей социальной, а не только социально-политической системы. При этом в качестве смыслового, содержательного ориентира избирается отрицание само по себе. Вследствие этого немотивированных радикалов нередко отождествляют с так называемым нигилистическим движением; отметим, что это не совсем корректно, поскольку и в научном, и в научно-публицистическом дискурсе нигилизм рассматривается скорее как альтернативная основа анархизма, а не как теоретически разработанная база разрушительных идеологий. Невозможно в буквальном смысле говорить о формировании идеологической платформы в случае с радикально-немотивированными организациями, поскольку нигилистическое отрицание играет скорее роль «проговариваемого кредо», девиза, не столько стимулирующего, сколько оправдывающего деятельность. Иными словами, немотивированные радикалы выступают не «против» конкретных социальных механизмов или систем (что неминуемо привело бы их к необходимости построения собственной идеологии, системы целей, ориентиров и «образцовых моделей»), а просто «против». Анти-системный пафос может быть обнаружен у представителей различных радикальных течений, однако в случае немотивированных радикалов за ним ничего не стоит, он представляется самоцелью. Это приводит к высокой практической активности: немотивированные радикалы действуют намного чаще иных радикальных организаций, поскольку «не тратят время» на формирование идеологических позиций.

Несколько иную ситуацию мы наблюдаем при работе с праворадикальными и правоэкстремистскими организациями. Почти все праворадикальные и экстремистские организации правого толка, действующие в Украине, более или менее чётко формулируют свои идейные принципы. Однако в

абсолютном большинстве случаев эти идейные принципы механически наследуются или заимствуются не у правых идеологов, а у исторически значимых праворадикальных организаций (выражаясь метафорически, не у Розенберга, а у Гимmlера). При этом конкретная деятельность совершенно необязательно подчиняется задекларированным целям, существуя обособленно от идеологических установок. Праворадикальные и правоэкстремистские организации, как правило, не формируют идейный фундамент, а составляют набор идеологических клише, позволяющих им оправдывать сам факт выхода за рамки допустимого в политических практиках. В наборе фигурируют банальные дискриминативные штампы или мифологемы, построенные на сведениях всего существующего и вымышленного политического негатива к простым и «очевидным» объяснениям: козни и интриги врагов или трагическая ошибочность используемых в настоящее время в конкретном государстве идейных принципов. Идеологическую базу этих организаций составляет минимум догматичных констатаций узкого смыслового диапазона, функционально предназначенных исключительно для уже упомянутого оправдания радикально-экстремистских действий (в украинском случае можно говорить о преобладании национал-фашистских специфики).

Кроме того, правые радикалы и правые экстремисты не только в Украине, но и во всём мире во все времена демонстрируют крайне высокий уровень анти-личностной агрессии. Соответственно, их практики очень часто связаны с атаками на конкретных представителей «вражеских» сообществ. При этом действительная принадлежность этих представителей к конкретным сообществам не имеет значения: в случае правых радикалов первична потребность дать выход агрессии (чем, в частности, объясняется склонность к правому радикализму таких специфических групп, как футбольные «хулиганы» или «гопники»). Именно поэтому абсолютное большинство практик праворадикальных и правоэкстремистских организаций и движений связаны с конкретной «боевой» деятельностью.

Когда же мы сталкиваемся с практиками левого радикализма и экстремизма, то значительный их сегмент составляют практики политико-теоретического свойства. Если практики немотивированных радикалов – это только действия, практики правых радикалов и экстремистов – это действия плюс зачаточные формы политического анализа, то практики левых радикалов и экстремистов – это едва ли не в равной степени действия, политический анализ и политическая философия и идеология. И собственно радикальный и экстремистский комплекс практик связан в первую очередь с политической философией и идеологией (включая пропаганду). Поскольку для левых радикалов и экстремистов по всему миру и в Украине характерны активные (в том числе научные) дискуссии по поводу политико-философских ориентиров и действующих идеологием, то есть основания рассматривать идеологическую и пропагандистскую деятельность этих организаций как важную радикально-экстремистскую практику.

Таким образом, в перечне специфических практик, характерных и актуальных для леворадикальных и левоэкстремистских организаций и движений, не последнее место занимают пропагандистская деятельность и производство радикального идеологического продукта (имеющего вполне самостоятельный характер, в отличие от догматических констатаций правых радикалов).

Леворадикальные и левоэкстремистские организации и движения представлены в Украине двумя совокупностями: анархистской и социал-коммунистической. Эти совокупности разделены весьма условно, сотрудничество между различными организациями и движениями развито очень широко. Гораздо эффективнее разделять леворадикальный спектр по специфике практик. В этом случае мы получим три типа леворадикальных организаций и движений: 1), ограничивающиеся **идеолого-пропагандистскими радикальными** практиками и/или **легальными политическими** акциями; 2) сосредотачивающиеся на **нелегальных агрессивных точечных практиках** (нападения, уличные бои и т.д.); 3) **сочетающие** идеолого-пропагандистские, легальные и нелегальные агрессивные точечные практики. В данной статье будут лишь названы типы и перечислены конкретные практики (подробный разбор содержания этих практик см. [6]), которые легли в основу выделения этих трёх типов.

Идеолого-пропагандистские радикальные практики:

1. Распространение в сети Интернет и печатных СМИ манифестов, программ и других политико-идеологических документов;
2. Размещение на собственных информационных ресурсах и распространение в сети Интернет и печатных СМИ статей, рецензий, различных публицистических текстов пропагандистского или дискуссионно-идеологического характера;
3. Организация дискуссионных кино клубов;
4. Организация политико-идеологических школ, тренингов и семинаров. Практика реализуется всеми исследуемыми организациями/движениями;
5. Создание и распространение демотиваторов (демотиватор – изображение на чёрном фоне с лаконичной (как правило, в афористичной форме, саркастического, юмористического или прямо критического содержания) подписью);

6. Пропаганда в соціальних сетях (Facebook, Twitter, ВКонтакте и т.д.);
7. Агитационные мероприятия в рамках избирательных кампаний;
8. Выпуск печатных СМИ (газеты) и книг идеологического и пропагандистского содержания.

Легальные политические практики:

1. Открытые письма и петиции официальным лицам, чиновникам, организациям;
2. Направление запросов в органы государственного управления (Кабинет министров, Верховная рада, Служба безопасности Украины);
3. Пикеты, демонстрации и другие санкционированные акции протеста;
4. Уличные акции в поддержку «коллегиальных» сил и единомышленников;
5. Баннерные акции и плакатные шествия;
6. «Листовочные» кампании. Практика не относится к числу популярных, поскольку требует серьезных финансовых затрат;
7. Выставки карикатур, фотографических, исторических материалов;
8. Проведение перформансов;
9. Граффити;
10. Обнародование «компромата» (на политиков и политические партии и организации);
11. Выступления идейно близких музыкальных коллективов, концерты «идеологически выдержанной» музыки (анархо-панк, советские песни и т.д.);
12. Организация и проведение конференций.

Нелегальные политические практики:

1. Несанкционированные митинги, демонстрации;
2. «Уличные бои с врагом» (как ответный отпор, так и подготовленные атаки);
3. Организация учебно-тренировочных «боевых» лагерей;
4. Разрушение, вандализм (по отношению к памятным, символическим знакам);
5. Размещение фотоснимков «врага» в открытом доступе (с указанием личных данных).

Активно действующих на украинской территории леворадикальных и левозэкстремистских организаций и движений немного. Если не учитывать номинально существующие виртуальные проекты, то тогда перечень выглядит так (в скобках после названия указаны собственные интернет-страницы):

- 1) Организация марксистов (ОМ) (www.marx.org.ua) (частично выросшая из движения «Че Гевара»; организационная, идейная и кадровая основа левого движения «Борьба» (www.borotba.org), которое полностью заменит ОМ в ближайшее время);
- 2) Сеть независимых студенческих профсоюзов «Прямое действие» (www.direct-action.org.ua);
- 3) Политическая партия «Союз анархистов Украины» (ПП САУ) (www.s-a-u.org);
- 4) Анархистское движение «Соціальний опір» (www.socresistance.blogspot.com) (центральная составляющая объединённой платформы «Самозахист» (www.samozahist.org.ua));
- 5) Движение «Автономна спілка трудящих» (www.avtonomia.net) (АСТ);
- 6) Независимый профсоюз «Захист праці» (UNI) (www.zahist.wordpress.com) (головной офис - Львов);
- 7) Организация «Ліва опозиція» (www.gaslo.info);
- 8) Украинское отделение Революционной конфедерации анархо-синдикалистов (РКАС им. Махно) (www.rkas.org.ua);
- 9) Антифашистское сопротивление (www.antifa-action.org.ua, www.antifa.blox.ua) (с отделениями в различных областных центрах Украины и главным – в Одессе (www.antifa-odessa.ucoz.ru); т.н. ANTIFA);
- 10) Одесское отделение движения красных скинхедов-антифашистов (www.rash.at.ua, www.sharp.at.ua)(«Южная Пальмира Редскинс», RASH-Одесса).

Соответственно, к первому типу можно отнести ОМ, «Прямое действие», ПП «САУ», «Соціальний опір», АСТ и UNI. Второй тип представлен украинским отделением РКАС и отделениями Антифашистского сопротивления, а третий – одесским RASH.

Можно констатировать, что для леворадикальных и экстремистских организаций и движений, активно действующих в Украине, характерно использование практик идеологического и пропагандистского воздействия, легальных политических практик и нелегальных политических практик. Преобладают практики второго типа, реализуемые всеми без исключения рассматриваемыми организациями и движениями. Однако их легальность является формальным признаком, и не снижает радикального пафоса содержания этих практик. К практикам идеологического и пропагандистского воздействия, связанным с глубокой и регулярной идейно-теоретической работой, тяготеют организации/движения социально-коммунистического толка. Нелегальные политические практики, как правило, активно реализуются представителями анархистского крыла, организациями, сосредоточенными на «активных формах борьбы», к которым в Украине относятся РКАС, ANTIFA и RASH. Отметим, что

ети організації на Україні являються місцевими відділеннями міжнародних мереж. Однак активне міжнародне співробітництво взагалі властиво лівому і ліворадикальному русу, тому немає підстав уявляти в цьому факті будь-яке особливе вказання.

Окремо необхідно сказати про те, що практики, що вимагають серйозних витрат і значущих ресурсів, реалізуються в першу чергу трьома організаціями: Організацією марксистів, політичної партії «Союз анархістів України» і мережою незалежних профспілок «Прямий вплив». При цьому тільки дві останні організації вдаються до таких специфічних практик, як «розкриття компромату» і «перформанс». Перша практика вимагає повністю особливих інформаційних джерел (частіше пов'язаних з офіційними органами влади, в тому числі - спецслужбами), друга розглядається більшістю ліворадикальних організацій і русів як суцільно «карнавальна», буржуазна і тому неприйнятна для ліворадикального русу. Можливо, справа повинна йти не про випадковий збіг, а про інше по порівнянню з іншими організаціями і русами принципі формування ПП САУ і «Прямого впливу».

Необхідно також відзначити, що при дослідженні політичного радикалізму і екстремізму неминуче застосування так званого «консультуючого» підходу. Справа йде про те, що політична соціологія має справу з цілим рядом об'єктів, робота з якими передбачає не тільки вивчення їх природи, специфіки діяльності або прояву, але і пошук шляхів управління цими об'єктами (явищами, процесами) в самому широкому сенсі: від обмеження їх поширення до боротьби. Саме до таких об'єктів відноситься все, що пов'язано з політичним радикалізмом, екстремізмом, тероризмом [7]. Політична соціологія в цьому випадку виконує оціночно-корректирующую (або «консультуючу») функцію, стільки ж природною для неї, як, наприклад, для соціології моралі. Тому по результатам проведеної класифікації нами були сформульовані рекомендації для органів влади і інших зацікавлених організацій по роботі з ліворадикальними організаціями другого і третього кластера. Ситуація з поширенням як радикальних політичних ідей, так і екстремістських настроїв в українському суспільстві, неминуче, вимагає в першу чергу державного регулювання. Робота тут може здійснюватися в декількох напрямках:

1) контроль інформаційної ситуації. Сьогодні в більшості випадків зіткнення з втіленням радикальних політичних настроїв в формі конкретних, в тому числі екстремістських, практик органи правопорядку прагнуть замаскувати події під «хуліганство» і тому подібні неспівомісні терміни. Реалізується політика сдерживания інформації. Вона має певні позитивні ефекти, зокрема, перешкоджає розвитку соціальної паніки. Однак в даний час багато українських громадян стикаються з проявами екстремізму особисто в результаті діяльності різних радикально-екстремістських організацій (наприклад, скандали з організацією «Патріот України»), і практично всі мають можливість отримувати інформацію про ці прояви в СМІ. Відповідно, в масовому свідомості формується переконання, що рівень екстремізму зростає, а державні органи намірено це приховують. Було б набагато продуктивніше не «уховити» від екстремізму, а конструювати представлення про невідворотних жорстких санкцій за прояви екстремізму. Це додало б відчуття захищеності населенню і зупинило б багатьох потенційних екстремістів від специфічної радикальної активності;

2) створення циклів телевізійних, радіопередач, журнальних, газетних і інтернет-публікацій контр-екстремістської спрямованості. Восприяття екстремізму в масовому свідомості передбачається в першу чергу змістом продуктів СМІ. Створення подібного контр-екстремістського продукту, орієнтованого в першу чергу на потенційну «цільову» аудиторію радикалізму і екстремізму, є необхідним протидією пропаганді екстремізму, особливо активно ведучою в мережі Інтернет;

3) проведення моніторингу і аналізу інформаційних звітів радикальних організацій про їх діяльність. Це дозволить контролювати, і прогнозувати поведінку членів організацій, попереджати прояви екстремізму. Багато радикальних організацій, що реалізують екстремістські практики, розміщують «звіти про успішне виконання» на своїх сайтах, тому виконання даної рекомендації не представляє технічної складності;

4) розробка і впровадження освітніх пакетів контр-екстремістської спрямованості. Ця рекомендація стосується як системи середньої освіти, так і вищої, оскільки першочергова потенційна аудиторія радикальної і екстремістської пропаганди, а також потенційна соціальна середовище підтримки – це старшокласники і студенти. Справа йде про спеціальні розділи в курсах суспільних наук (історія, філософія, соціологія, політологія, «Людина і суспільство» і т.д.), присвячених природі радикалізму і екстремізму, аналізу помилкових і спотворених інформаційних елементів в «теоретико-ідеологічній» базі радикалізму і екстремізму, але головне – руйнівним

последствиям политического радикализма и экстремизма. Упор должен делаться на: 1) историческую и политическую неэффективность радикальных и экстремистских практик (мировой стандарт игнорирования террористических требований должен распространяться и на экстремизм); 2) автоматический (by default) переход сторонников радикальных/экстремистских практик в разряд социальных изгоев; 3) противоположность радикализма и экстремизма самим целям, смыслу существования общества и человечества; 4) неразрывность логической цепочки «радикализм-экстремизм-преступление»; 5) разрыв между декларируемыми «высокими целями» участников радикально-экстремистских организаций и движений и действительными корыстными интересами их руководителей и спонсоров; 6) неизбежность перехода в статус «жертвы экстремизма» знакомых, друзей, родственников экстремиста. Элементы подобной образовательной политики могут быть использованы и в курсах литературы, этики и эстетики. При этом нежелательно внедрение отдельных, самостоятельных курсов, посвящённых контр-экстремистской пропаганде, поскольку это лишь вызовет естественный для молодых людей интерес «к запретному плоду». Кроме того, возможна организация специальных проблемных лекций с участием сотрудников специальных служб, занимающихся предупреждением экстремизма и борьбой с ним, экспертов по анализу особенностей психики экстремистов;

5) введение в действие специальной государственной службы (или присвоение искомым функций уже существующим службам), которая будет заниматься отслеживанием и согласованием (лицензированием) молодёжных концертных программ. Для этого необходимо упразднить статичную, постоянную лицензию на осуществление концертной деятельности и лицензировать каждое конкретное мероприятие. Необходимо составить список наиболее популярных в радикальной среде действующих музыкальных групп, в частности, работающих в таких направлениях рок-музыки, как: блек-метал, хэви-метал, дум-метал, дез-метал, панк, гранж, языческий рок, христианский рок и т.д. Концерты и фестивали этих групп (например, харьковский «Коловорот») необходимо рассматривать как мероприятия по пропаганде экстремизма, и применять соответствующие меры: от запрета на освещение в прессе до запрета исполнения песен или проведения концерта;

6) контроль распространения в библиотеках, а также в сети Интернет радикальной и экстремистской литературы. Для осуществления этой рекомендации необходим предварительный экспертный мониторинг и анализ политико-публицистического и идеологического сегмента литературного рынка (что несложно сделать, используя информацию радикально-экстремистских сайтов). Кроме немногих запрещённых к распространению (и, тем не менее, легко доступных) книг – таких, как «Моя борьба» А.Гитлера, - существует целый ряд книг, привлекающих радикально-экстремистскую аудиторию (например, работы В.Истархова, Г.Климова, Э.Ходоса и т.д.). Запрещение вызовет лишь всплеск дополнительного интереса к этой литературе. Поэтому было бы эффективным негласное ограничение распространения этих книг, а также использование их в качестве приманки – для фиксации потенциальной экстремистской среды (путём определения IP адресов и т.д.).

Подобные меры представляются минимально необходимыми и носят в первую очередь профилактический характер.

Литература:

1. Баева Л. Экстремизм и интолерантность: природа и сущность [Электронный ресурс] / Баева Л. — Режим доступа: www.aspu.ru/images/File/ilil/Bayeva_extremizm.pdf
2. Верховский А. К., Прибыловский В. Н., Папп А. В. Политический экстремизм в России / А. К. Верховский, В. Н. Прибыловский, А. В. Папп. — М.: Панорама, 1999. — 356 с.
3. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. / Т.Р.Гарр – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.: ил. – Серия «Мастера социологии».
4. Жданова І. Молодь і толерантність в сучасній Україні (національно-етнічний аспект) [Електронний ресурс] / І. Жданова — Режим доступа: http://www.dipsm.org.ua/files/2008/11/article_zhdanova.doc
5. Козлов А. Проблемы экстремизма в молодежной среде / А. Козлов — Серия "Система воспитания в высшей школе" — вып.4 — М., 1994. — 44 с.
6. Литовченко А.Д. Политические практики украинских леворадикальных организаций и движений [в печати] / А.Литовченко // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, № 993. – Соціологія. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 2012.
7. Морозов И.Л. Политический экстремизм - леворадикальные течения. Учебное пособие для студентов и аспирантов. / И.Л. Морозов. — Волжский, Издательство ВФ МЭИ, 2002. — 70 с.
8. Паніотто В. Динаміка ксенофобії та антисемітизму в Україні (1994-2007) / В.Паніотто // Соціологія: Теорія, методи, маркетинг. — 2008. — №1 — С. 197-214.
9. Пиджаков А.Ю. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: проблемы изучения / А.Ю. Пиджаков // Известия вузов. Правоведение. — 2003. — № 3 — С. 234-244.
10. Сенин И. Н. Экстремизм: понятия и виды / И. Н. Сенин // Инновационное образование и экономика. — 2008. — №2. — С. 78-81